

ОНТОЛОГИЧНОСТЬ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РАЗДРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н.А. Белоус

Наша работ посвящена анализу вербального выражения раздражения как элемента конфликтного дискурса. Проанализированы способы и средства выражения раздражения с помощью слов и моделей словесных конструкций. Раздражение рассмотрено как амбивалентное речевое взаимодействие собеседников в виде целостного конструктивного образования в пространстве диалога. Выявлены не\вербальные маркеры вербального выражения раздражения, особенности его иллюкутивной доминанты и описан его консеквент. Кроме того, выявлены стратегические линии и тактические модели для предотвращения нарушения функциональных условий реализации речевого эпизода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вербальное выражение раздражения, конфликтный дискурс, вербальные маркеры, стратегические линии, тактические модели

БЕЛОУС Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Московского Авиационного Института (Национальный исследовательский университет).
bn66@mail.ru

Цитирование: Белоус Н.А. Онтологичность вербальной репрезентации раздражения в современном диалогическом пространстве [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 1. – С. 120–133. Режим доступа: www.tverlingua.ru

ONTOLOGICAL CHARACTER OF VERBAL IRRITATION IN MODERN DIALOGUES

Natalia A.Belous

Our work is dedicated to the researching of verbal expression of irritation in the field of conflict discourse. We have studied the ways and means of its

expression and described the models of collocations and phrases that are used in an irritating communication. Verbal irritation is studied as an ambivalent speech collaboration in the space of a dialogue. Both non\verbal makers and peculiarities of illocutive dominant have been found and systemized as well as its consequent. Also we elicit strategies and tactic models that can help to keep irritated interlocutors from any failure in their communication.

KEY WORDS: verbal expression of irritation, conflict discourse, verbal makers, strategies, tactic models

BELOUS Natalia A. – PhD in Philology, Docent, Docent of linguistics and translation department of Moscow Aviation Institute (National Researching University). bn66@mail.ru

Citation: Belous N.A. Ontological character of verbal irritation in modern dialogue [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2022, № 1. – P. 120–133. Access mode: www.tverlingua.ru

*Забросив гнев, как мусор в урну,
И выводя на сердце пятна,
Я часто мыслю нецензурно...
Но выражаюсь — деликатно!*
И. Губерман

Сегодня в различных случаях коммуникации на любом уровне в обществе раздражение, выражаясь философским жаргоном, не эмблематично, а онтологично. Попросту говоря, оно уже не символ тех или иных дискурсов конфликтного характера, а некая базовая сущность большинства из них. Раздражение в ежедневной интеракции в СМИ, литературных произведениях, в обиходно-разговорной речи является отражением актуальных изменений в социуме и является свидетельством активного взаимовлияния контекста культурно-политической ситуации на

речевую культуру. В конфликтных дискурсах коммуникаты выражают раздражение с помощью слов (от нецензурных до деликатных), наделенных особо гневной коннотацией и моделируют словесные конструкции, окрашенные смыслами страха и гнева. Одна из наиболее раздражающих причин в коммуникации издревле и по сей день - невежество: «Люди говорят о том, в чем не разбираются»\«С ними не о чем поговорить»\«Они глупые». В разного рода беседах люди имеют тенденцию крайне негативно относиться к «негативным людям», «печальным», «злым», «мрачным».

Раздражение в целом имеет общий физиологический базис и, предположительно, должно обладать схожим качеством проявления у представителей разных культур. Однако, при рассмотрении языкового плана выражения раздражения, большую роль начинает играть этнокультурная специфика каждого конкретного языка. Воплощение эмоционального состояния в речи предполагает использование выразительных средств всех уровней языковой системы. Каждый *homo loquens* оказывался в ситуации, когда предыдущий опыт (голос, взгляд, высказывание и пр.) вынуждают коммуникантов неправильно трактовать ту или иную ситуацию. В некоторых случаях раздражительность вызывает ощущение загнанности в угол и тогда реципиенты не способны определить, какое речевое поведение уместно и оправдано. Раздражительность — показатель необоснованности реакций. Это означает, что человек негативно настроен даже тогда, когда у него нет для этого причин. Зачастую проявивший раздражение человек в ответ подвергается критике, и это раздражает его еще сильнее.

Собственно лингвистический аспект предполагает анализ языковых и речевых маркеров раздражения. Стало общепризнанным положение о том, что любое слово может быть нагружено эмоциональными коннотациями или дополнительными оттенками значения (Телия, 1986; Шаховский, 2008). Следовательно, развитие и перлокутивный эффект вербального выражения раздражения зависят в том числе и от того, какие дополнительные смыслы вкладывает адресант в свои высказывания и как понимает эти смыслы

адресат. Установлено, что эмоции отражаются на всех уровнях языка, поэтому мы можем говорить, как о лексике эмоций, так и об эмоциональной интонации и грамматике эмоций, включающей в себя эмоциональный синтаксис (Синеокова, 2004) и эмоциональную аффиксацию (Филимонова, 2000). Из этого следует, что существуют лексико-семантические и грамматические маркеры раздражения, которые коммуниканты могут применять для выражения своего негативного отношения друг к другу или референту.

В данной работе мы рассматриваем вербальное выражение раздражения как элемент конфликтного дискурса в виде коммуникативно-социального поля (Романов, 1988), т.к. именно оно предоставляет наиболее полные знания обо всех особенностях «процесса протекания интеракции» (Арутюнова, 1981; Ван Дейк, 1989; Гальперин, 1981; Crystal, 1987; Stubbs, 1983; Hawthorn, 1992).

Определим вербальное выражение раздражения как амбивалентное речевое взаимодействие собеседников в виде целостного конструктивного образования, которое совершается по правилам конститутивной, репрезентативной и интерактивной иллюкутивных функций доминанты, репрезентирующей намерения собеседников, чьи интерактивные знания и негативное эмоциональное состояние раздражения могут изменяться, когда заканчивается их воздействие друг на друга по окончании коммуникативной ситуации. Коммуникативная ситуация раздражения – «совокупность представлений (ментальных образов) о событиях, явлениях, процессах, действиях» (Романов, 1988), которые объединяются на базе единого негативного отношения в диалогическом пространстве конфликтного дискурса, определяемого «прагматической, темпоральной, локальной и ситуативной пресуппозициями» (Романов, 1988).

Раздражение в конфликтном или мирном дискурсе – вербальная репрезентация негативной эмоции, возникающая в процессе общения как ответная реакция на воздействие коммуникантов друг на друга, или на

сложившуюся ситуацию, которая не соответствует или противоречит мировоззрению, коммуникативному или жизненному опыту, целям и задачам коммуникантов. Обратимся к одному из исследованных образцов (объектом исследования являлись части конфликтных дискурсов из литературы\СМИ и обиходно-разговорной речи на русском и английском языках), обнаруженном в литературе (Austen J., 2006: 53)

K2: What is his name? (1a)

K1: Bingley. (1)

K2: Is he married or single? (2a)

K1: Single, my dear, to be sure! (2) A single man of large fortune; four or five thousand a year. (3) (УПС) What a fine thing for our girls! (4)

K2: How so? (3a) How can it affect them? (4a)

*K1: My dear Mr. Bennet, how can you be so tiresome! (5) **You must know that I am thinking of his marrying one of them.** (УПС) (6)*

K2: Is that his design in settling here? (5a)

K1: Design! (7) Nonsense, how can you talk so! (8) But it is very likely that he may fall in love with one of them, and therefore you must visit him as soon as he comes. (9) (УОД)

K2: I must throw in a good word for my little Lizzy. (6a)

K1: You are always giving her the preference. (10)

K2: They have none of them much to recommend them, they are all silly and ignorant like other girls; but Lizzy has something more of quickness than her sisters. (7a)

K1: Mr. Bennet, how can you abuse your own children in such a way? (11) You take delight in vexing me. (12) You have no compassion for my poor nerves. (13)

K2: You mistake me, my dear. I have a high respect for your nerves. (8a)

Ни в психологии, ни в лингвистике не существует точной классификации, по которой можно было бы точно разграничить и различать негативные эмоции, поэтому мы воспользовались шкалой интенсивности

проявления негативных эмоций, предложенной Вольфом (1989), а именно: 1) раздражение, возмущение; досада, недовольство; 2) гнев; 3) ярость. Данная шкала позволила нам рассматривать вербальное раздражение как базовую эмоцию, дающую начало другим вербальным репрезентациям негативных эмоций и присутствующую в них в качестве составляющей.

В рамках вербального выражения раздражения отрицательные эмоции выражаются соответствующими языковыми и прагматическими маркерами, в семантической структуре которых присутствует контекстуальная негативная коннотация. Языковые маркеры негативных эмоций в презентации раздражения существуют на всех уровнях языковой системы: 1. на фонетическом и просодическом уровне: раздраженный коммуникант использует сокращение слов; особую интонацию интонация, о которой мы можем судить по авторским ремаркам; перебивы - *K1: Это именно вы, господин Мезонье, а не секретарь отдела? K2: Это точно я. K1: И вы действительно написали эту гадость? (спросил с неподдельным раздражением)*; 2. на лексическом уровне: раздраженный коммуникант склонен к использованию инвективной лексики; императивов; оценочных слов (существительные и прилагательные с отрицательной коннотацией) - *K1: What the hell do you think you're doing, making all that goddamn noise? / K2: Come on. Gimme your number, I'll call you up proper and ask you out and everything*; 3. на лексико – синтаксическом уровне: деривативы эмоционально-субъективной оценки; замена местоимения 2-го лица «вы» на «ты» и наоборот (переход на личности); замена глагольной формы 2 лица единственного числа на глагольную формы 2 лица множественного числа; лексико – синтаксические повторы; излишнее употребление вежливых слов (*My dear Mr. Bennet, how can you be so tiresome!*); 4. на синтаксическом уровне: восклицательные предложения; вопросительные восклицания; эллиптические конструкции - *K1: What the hell is chippie?*. К прагматическим маркерам отрицательных эмоций относятся: несоответствие речевой акции и речевой реакции и негативные речевые реакции, которые создают эффект

обманутых ожиданий - K1: *У тебя что-то случилось? Расскажи, и сразу станет легче. Вот увидишь!* K2: *Ничего. Все прекрасно.* K1: *Ну, я же вижу, что это не так! Расскажи, что случилось, родная!* K2: *Я же сказала, ничего не случилось! И не надо лезть ко мне в душу!*

Кроме того, существуют невербальные маркеры отрицательных эмоций: контакт глаз: взгляд пристальный и долгий; улыбка: жесткая, натянутая; сигналы процесса: увеличение количества резких движений, направленных вовне, стремление дотронуться до собеседника (нарушение индивидуального пространства), произвольное устремление вперед; применение физической силы; бросание предметов. Выделенные вербальные и невербальные маркеры могут применяться для выражения всех отрицательных эмоций. Отличие состоит в их количественном употреблении. Чем сильнее раздражение, тем чаще частота употребления маркеров. Не следует забывать, что *«Кто раз испил хмельной отравы гнева, / Тот станет палачом иль жертвой палача»* (М. Волошин)

Вербальное представление раздражения по своим характеристикам не является никаким исключением в пространстве диалога и может быть описано как коммуникативно-социальное поле, что лишний раз подтверждает верность теории регулятивной деятельности (Романов, 1988). Вербальное представление раздражения включает в себя следующие компоненты: ролевые позиции возмущенных\раздраженных коммуникантов, собственно речевой эпизод вербального представления эмоций раздражения и разнообразные функциональные условия его реализации. При вербальной реализации раздражения коммуниканты могут исполнять роли интерактивного (говорящий – слушающий, субъект – объект), информативного (отправитель (продуцент) – получатель (реципиент)), сценарного (инициатор – адресат) и стратегического (лидер – ведомый) характера. (Романов, 1988) Возникновение эмоции раздражения, а также воздействие, которое коммуниканты оказывают друг на друга в процессе интеракции, обуславливают меню их коммуникативных ролей,

которые имеют тенденцию трансформировать диалог в монолог в 60-70% исследуемых случаев. Инструментом воздействия выступают речевые действия, имеющие «конститутивную, репрезентативную, когнитивную и интерактивную иллокутивные функции» (Романов, 1988). Конститутивная формирует декларативно-экспрессивный тип, представленный в коммуникативной ситуации раздражения заверениями, обещаниями обязательств, возражениями, протестами, разъяснениями, и угрозами. Раздраженные коммуниканты склонны через слово обобщать и критиковать, упрекая в несуществующих грехах реципиента или внезапно, в зависимости от психотипа, переходить к сожалениям, извиняясь за несдержанность. Реализуется не только репрезентативная, но когнитивная – функция, когда раздражение провоцирует коммуниканта поискать правду в опыте поколения, представителем которого он является, и привести в действие механизм конфликтного дискурса при помощи аргументов и подробного анализа «успешного опыта», и когда ресурсы этой функции исчерпаны, коммуниканты переходят к директивному типу взаимодействия, пуская в ход просьбы, советы, предложения, предупреждения и приглашения.

Контекст общих действий вербальной репрезентации раздражения в меньшей степени представлен макродействиями и в большей - предварительными действиями, которые зависят от вовлечения, говорящего в ту или иную негативную коммуникативную ситуацию. На возникновение коммуникативной ситуации раздражения в большей степени влияют время, место и как все звезды ситуации сошлись на небосклоне. Все эти типы пресуппозиций оказывают воздействие на процесс интеракции, создавая предпосылки для возникновения коммуникативной ситуации раздражения, которые трудно классифицировать как объективные, в связи с тем, что раздражение можно нивелировать всегда, однако субъектам гораздо радостнее и интереснее раздражаться нежели решить ситуации без эмоционального напряжения. Предварительные действия в «раздражении» всегда укажут так называемому опытному переговорщику на возможный

исход коммуникации, на возможность или невозможность нивелировать раздражение.

Ядро ФСП раздражения находит выражение в иллокутивной доминанте и соотношении иллокутивной силы (ИС) и иллокутивного потенциала (ИП). Иллокутивная доминанта в вербальной репрезентации раздражения – противостояние или столкновение коммуникативных целей участников в условиях социальной целенаправленной речевой деятельности, локуция и перлокуция которой характеризуются наличием гнева благодаря вербальному воздействию коммуникантов друг на друга. В коммуникативной ситуации раздражения ИС и ИП вступают в следующие отношения: ИС>ИП и ИС<ИП. Если ИС>ИП, то это означает, что инициатору воздействия не удалось нивелировать раздражение адресата воздействия и, соответственно, реализовать свою коммуникативную интенцию. Если ИС<ИП, то возможны две перлокуции в вербальной репрезентации раздражения: 1. инициатору удалось нейтрализовать раздражение и реализовать коммуникативную цель; 2. инициатору не удалось нивелировать раздражение, но реализация поставленной интенции прошла успешно, т.к. между целями и задачами коммуникантов сложилось соотношение подчинения.

Участников речевого эпизода представления раздражения мы разграничили по полоролевым характеристикам. Анализ корпусов примеров показал, что женщины более эмоционально откровенны, т.е. они не скрывают своего раздражения и могут выражать его, не учитывая социальный статус своего партнера. Мужчины более эмоционально устойчивы и при необходимости способны подавить / скрыть свои негативные эмоции и спрятать их в подчеркнутой деликатности и излишней вежливости. Для них важную роль играют такие принципы осуществления речевого взаимодействия, как кодекс доверия и социальный статус.

Консеквент вербального выражения раздражения может носить как деструктивный, так и конструктивный характер. Деструктивный консеквент предполагает невозможность нейтрализовать раздражение и реализовать

коммуникативную интенцию. Конструктивный консеквент наступает в двух случаях: 1. при реализации коммуникативной цели и при нивелировании раздражения; 2. при невозможности нивелировать раздражение, но реализации интенции. Перспектива эскалации вербального выражения раздражения зависит от функциональных условий реализации речевого эпизода представления раздражения. Если в речевом эпизоде представления раздражения наступает деструктивный консеквент, но при личной, общественной или неофициальной форме коммуникации и при условии реализации принципов кооперативности, заинтересованности или абсолютного доверия, то перспектива не обязательно будет также деструктивной. Вероятнее всего, в дальнейшем коммуниканты захотят продолжения сотрудничества.

По предварительным условиям сложно судить о том, находятся ли коммуниканты в состоянии раздражения. Они только показывают отношения, которые сложились между партнерами по общению до вступления в интеракцию. Условия интенционального выражения раскрывают коммуникативные цели адресанта, а условия ожидаемого действия – реакцию адресата на заявленные цели. Негативная ответная реакция коммуниканта, находящегося в состоянии раздражения, влечет за собой нарушение в следовании функциональных условий реализации речевого эпизода. Анализ корпуса примеров показал, что для предотвращения подобного нарушения коммуниканты могут использовать стратегические линии и тактические модели нивелирования раздражения, представленные в следующей таблице:

Таблица 1. Вербальная репрезентация раздражения и стратегии его нивелирования

Стратегические линии, которые приводят к нивелированию	Стратегические линии, которые как нивелируют, так и не нивелируют	Стратегические линии, которые не приводят к нивелированию раздражения
--	---	---

раздражения	раздражение	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Извинение. 2. Напоминание о родстве и родственных связях. 3. Согласие с позицией коммуниканта. 4. Копирование манеры коммуникативного поведения партнера. 5. Сравнение партнера по интеракции с третьим лицом в пользу партнера. 6. Предложение альтернативного варианта решения проблемы. 7. Знакомство и флирт. 8. Выражение симпатии. 9. Признание в любви. 10. Разрядка обстановки с помощью шутки. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Разъяснение сложившейся ситуации. 2. Благодарность за предоставленную информацию. 3. Обещание изменить линию своего поведения. 4. Угроза. 5. Критика третьего лица. 6. Намеренный выплеск негативных эмоций. 7. Обещание оказать содействие, помощь. 8. Убеждение в уважении к партнеру по коммуникации. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Совет. 2. Выяснение причины сложившейся ситуации. 3. Убеждение в правильности своей позиции. 4. Упоминание о собственных заслугах.

Использование данных стратегий и тактик должно подкрепляться «прагматическими, языковыми, энциклопедическими и иллокутивными знаниями» (Роианов, 1988). Однако необходимо отметить, что применение стратегических линий и тактических моделей не всегда гарантирует обязательную нейтрализацию раздражения. Использование одной и той же стратегии в разных случаях дает разные результаты: как положительные, так и отрицательные. Это зависит от множества факторов, которые мы не рассматривали в данной работе, но они могут стать перспективой

дальнейшего изучения данной проблемы. Порой при осознании, того факта, что коммуниканты уже находятся в КСП раздражения необходимо последовать совету поэтическому: «Пойди к нему и в волны / Его погибельного гнева / Пролей твоих советов / Мирительное масло» (В. Жуковский) и тогда: «И гнев его исчез, как пар, / Как пыль, как женские страдания, / Как дым, как юношеский жар, / Как радость первого свиданья» (И. С. Тургенев).

Ссылки – References in Russian

Арутюнова, 1981 – *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия Литература и язык, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.

Ван Дейк, 1989 – *Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. / под ред. В.И.Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 300 с.

Витт, 1988 – *Витт Н.В.* Эмоциональная регуляция в речемыслительных процессах // Психологический журнал, 1988. – №3. – С.52–61.

Вольф, 1989 – *Вольф Е.М.* Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 55–75.

Гальперин, 1981– *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 148 с.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: ИЯ АН СССР, 1988. – 183 с.

Романов, 2006 – *Романов А.А.* Лингвистическая мозаика: Избранное. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА издательство «Агросфера», 2006. – 436 с.

Синеокова, 2004 – *Синеокова Т.Н.* Некоторые направления в исследовании синтаксиса эмоциональной речи // Вестник Оренбургского государственного университета, 2004. – N 6. – С. 9–13.

Телия, 1986 – *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

Филимонова, 2001 – *Филимонова О.Е.* Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 259 с.

Шаховский, 2008 – *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.

References

Arutynova, N. (1981) Factor of addressee// *Isvestiay AN USSA, Literature and language*, 4, pp. 356–367. (In Russian)

Austin, J. (2006) *Pride and Prejudice*, Moscow, 255 p.

Crystal, D. (1987) *The Cambridge Encyclopedia of the English Language Language*, Cambridge, 506 p.

Davitz, J.R. (1964) *The communication of emotional meaning*, New York, 368 p.

Filimonova, O. (2001) *Language of emotions in English text. Cognitive and communicative aspects*, St.-P., Public house RGPU named after Gerzen A.I., 259 p. (In Russian)

Galperin, I. (1981) *Text as an object of linguistics research*, M., Nauka, 1981. – 148 p. (in Russian)

Hawthorn, J. (1992) *A Concise Glossary of Contemporary Literary Theory*, London, 320 p.

Jakobson, E. (1979) Language and emotion // *Pragmalinguistics*, The Hague, pp. 131–169.

McCawley, N. (1973) Boy! Is syntax easy? // *Papers from the Ninth Regional Meeting Chicago Linguistic Society*. April, 13 – 15, Chicago, pp. 369 – 377.

Romanov, A. (1986) Urovni funkcionalno-semanticheskogo analiza teksta. // *Text. Context. Podtext*, M., pp. 10–17. (In Russian)

Romanov, A. (1988) *Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija*, M., Institut jazykoznanija RAN SSSR, Kalininskij SHI (In Russian)

Romanov, A. (2004) Psychosemiotics of visual communication in the somatographic space // Romanov A.A., Sorokin J.A. *Somatikon: Aspekty neverbal'noj semiotiki*, M., IJa RAN, Tverskaja GSHA, pp. 6–158 (In Russian).

Sineokay. T. (2004) Some directions in a research of emotional speech syntax// *Vestnik Orenburg state university*, N 6, pp. 9–13. (In Russian)

Teliay, V. (1986) *Connatation aspect of nominative items semantics*, M., Nauka, 143 p. (In Russian)

Shachovskiy, V. (2008) *Categories of emotions in lexical and semantical system of language*, M., Public house LKI, 208 p. (In Russian)

Stubbs, M. (1983) *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*, Oxford, 272 p.

Van Deyk, T. (1989) *Language. Cognition*, M., Progress, 300 p.

Vitt, N. (1988) Emotional regulation in speech & thinking processes // *Psychological journal*, №3, pp. 52–61. (In Russian)

Volf, E. (1989) Emotional states and their representation in language // *Logical analysis of language. Problems of intesional & pragmatic contexts*, M., Nauka, pp. 55 – 75. (In Russian)